

— Люй-гэ, держи пока это, — подал ассистент Люй Сичао грелку.

На улице стоял лютый мороз, а в киностудии было так холодно, что даже вытянуть руку из кармана — боль.

Закончив съёмку, Люй Сичао переоделся и теперь шёл снимать грим и парик. Каждый шаг давался с трудом. Он прижимал к себе грелку и спросил:

— Во сколько у меня завтра съёмки?

Осталась всего одна сцена — финальная, на «убой».

Если бы не это, он, как и в прошлом году, снова провёл бы Новый год на площадке.

— В шесть утра, — ответил ассистент.

Люй Сичао вздохнул:

— Как же холодно...

За окном хлестал ледяной дождь. Ассистент шёл рядом, держа над ним зонт.

Все прохожие ёжились, втягивая головы в плечи.

Люй Сичао мечтал поскорее сесть в машину и уже по дороге сказал помощнику:

— Закажи мне кофе с фундуком. Ещё надо просмотреть сценарий.

Тот кивнул.

Но чем дальше они шли, тем сильнее Люй Сичао чувствовал странность. Машина точно не здесь стояла.

Последние три дня он снимался в ночных сценах: искусственный снег, пронизывающий ветер, а вдобавок ещё и лёд во рту для правдоподобия реплик — от этого у него кружилась голова.

До сих пор не пришёл в себя и совершенно не хотел есть.

Поэтому он даже не заметил, что рядом уже не тот человек.

— Сяо Мао, мне кто-нибудь звонил во время съёмок? Кстати, где мой телефон? — пробормотал он, будто замедленный морозом. Обычно сразу после дубля первым делом хватался за смартфон, а сейчас забыл.

Никто не ответил.

Тогда Люй Сичао наконец осознал: обувь другая, брюки другие, пальто тоже.

Это...

Он улыбнулся:

— Ты когда приехал?

Мужчина под зонтом чуть опустил глаза, уголки губ едва приподнялись:

— Только сейчас заметил? Могли бы тебя продать — и не узнал бы.

Люй Сичао тут же бросился в объятия Цзян Хэ, просунул руки внутрь расстёгнутого пальто и попытался зарыться в него.

Правда, забыл, что сам одет в невероятно объёмный пуховик — со стороны выглядел как пингвин с маленькой головой и огромным телом.

— Вот почему Сяо Мао сегодня так странно себя вёл, — пробормотал он, глубоко вдыхая запах Цзян Хэ.

Но тут же вспомнил, что всё ещё в историческом парике, и Цзян Хэ даже не решился дотронуться до него — слишком нелепо это выглядело бы.

Цзян Хэ никогда не вмешивался в работу Люй Сичао. Хотя тот теперь официально был «мадам Цзян» — жена босса компании «Чэнкун», — трудился всё так же нещадно, как в старые времена.

На последнем ужине с семьёй Цзян Шулюя Люй Сичао услышал, как Тан Юэ рассказал Цзян Хэ о его новом прозвище:

«Одинокий пенсионер».

Цзян Шулюй тут же расхохотался. Тан Мянью, ничего не поняв, спросил: «А дядя Цзян Хэ сколько лет?»

Цзян Хэ всегда чувствовал неловкость в общении с детьми — не знал, что сказать.

Но теперь он ясно представлял, как Люй Сичао и Тан Юэ за его спиной его обсуждают.

Сегодняшний образ Люй Сичао был особенно экстравагантным: загадочные узоры на висках, томный взгляд — всё это ещё предстояло смывать в отеле.

Мелкий зимний дождь стучал по зонту, усиливая сердцебиение и дыхание под его куполом.

— Я знаю, что красив, — сказал Люй Сичао, — не смотри на меня так.

Он потянулся и схватил Цзян Хэ за подбородок. Для ассистентов вдалеке это выглядело почти как святотатство.

Но ведь они — семья. И эта «игра» была обоюдной.

Правда, для сторонних сотрудников студии это стало первым зрелищем: Люй Сичао, обычно такой сдержанный на публике, проявляет нежность.

Он начинал как айдол, потом перешёл в кино — стандартный путь.

Но даже выпускникам театральных вузов не всегда удаётся пробиться, а многие и вовсе теряются по дороге.

Люй Сичао, однако, уже почти на вершине: номинации есть, награды получены.

Осталось собрать последние силы — и в следующем году рвануть за званием «лучшего актёра года».

— Если я не буду на тебя смотреть, ты обидишься, — сказал Цзян Хэ.

— Я не из таких, — фыркнул Люй Сичао, но руку не убрал.

Он несколько минут слушал биение сердца Цзян Хэ, а потом произнёс:

— Пойдём.

В машине было гораздо теплее. От студии до отеля — ещё полчаса пути.

— Ты в командировке? — спросил Люй Сичао.

— Неужели я не могу специально приехать повидать тебя? — ответил Цзян Хэ.

После свадьбы они почти перестали писать длинные сообщения. Ответы Цзян Хэ всегда казались сухими, формальными.

Он выглядел молодо, но в нём чувствовалась какая-то увядшая усталость.

Люй Сичао понимал почему. Жизнь Цзян Хэ до встречи с ним, хоть и казалась роскошной, была пустой.

Всё, чего он хотел, — ускользало. А то, что не хотел, — навязывали.

Например, статус наследника семьи Цзян.

Или Чжун Ци — актёр, который, вполне возможно, будет соперничать с Люй Сичао за звание «короля экрана» в следующем году.

Чжун Ци уже однажды выигрывал эту награду.

Весь индустриальный круг знал об их прошлом.

Когда Цзян Хэ было чуть за двадцать, у него была короткая, но яркая связь с Чжун Ци.

Изначально «Чэнкун Медиа» вообще создавалась как персональная студия для одного человека — для него.

Но проект так и не запустился: Чжун Ци внезапно порвал отношения и быстро ушёл к другому богачу.

А когда через несколько лет легализовали однополые браки, их совместная свадьба стала поводом для всеобщего ликования в СМИ.

Люй Сичао знал всю эту историю.

Когда ему было пятнадцать, Цзян Хэ — двадцать семь.

Тот переживал кризис: карьера рушилась, любовь исчезла. Выглядел несчастным.

Его отправили в южную деревню — выполнять «социальное задание» семьи: благотворительность.

Все Цзяны были красивы — по крайней мере, в глазах Люй Сичао, их гены словно прошли строгий отбор.

Даже истощённый, Цзян Хэ был красивее всех мужчин вокруг.

Но в его лице читалась глубокая меланхолия, а изящество черт казалось скорее обидой, чем привлекательностью.

Он смотрел на детей без тёплоты — поэтому те предпочитали получать подарки от других организаторов.

В той школе учились и младшие, и старшие — пятнадцатилетний Люй Сичао учился в девятом классе, его младший брат — только пошёл в первый.

Люй Сичао сразу узнал Цзян Хэ: это был тот самый мужчина, которого он видел вчера у кукурузного поля.

Сезон урожая. По дороге грохотали тракторы.

Братья помогали родителям в поле — и в какой-то момент Люй Сичао поднял глаза.

По тропинке шёл Цзян Хэ.

Рядом с ним стоял глава деревни и что-то рассказывал.

Высокий, в строгом костюме, галстук, белоснежной рубашке с застёгнутым до самого горла воротом, будто пытался спрятать кадык.

На дорогих туфлях — следы земли.

От бледности Люй Сичао решил, что это больной. Подумал: «Какой бы ни был богатый городской босс — всё равно побеждает тот, кто дольше проживёт».

Но юношеское сердце не могло устоять перед таким сочетанием красоты и аристократизма.

Женщины в деревне шептались: «Столько пожертвовал... Дорогу построит... А лицо — хоть и красивое, но такое хрупкое».

Поэтому на следующий день Люй Сичао специально подошёл к тому месту, куда дети боялись подходить, и просто стоял перед Цзян Хэ несколько минут.

Пятнадцатилетний Люй Сичао был необычайно хорош: черты лица — почти женские, губы алые, зубы белые, улыбка мягкая, будто он никогда не злился.

Секретарь Цзян Хэ даже подумал: «Не слишком ли изыскан этот мальчик?»

Но зачем он так долго смотрит на господина Хэ?

Господин Хэ боится детей... хотя это же подросток!

Прошло немало времени, прежде чем Цзян Хэ наконец спросил:

— Что хочешь получить?

У школьников не было даже формы. На Люй Сичао была старая рубашка отца — рукава закатаны, плечи провисли.

Выглядел бедно. Но он не стеснялся.

Его взгляд упал на руку Цзян Хэ — там сияли часы, явно стоящие целое состояние.

Костюм дорогой, туфли дорогие.

Перед ним стоял человек, воплощающий роскошь.

И это пробудило в Люй Сичао всю его жадность.

— Говорят, вы владеете компанией для звёзд, — сказал он.

Секретарь попытался вмешаться:

— Мы просто приехали раздать канцелярию...

Цзян Хэ от природы имел лёгкие кудри, но выглядел не расслабленным, а напряжённым.

В нём чувствовалась сила, недоступная обычным людям.

Люй Сичао сравнил его с тигром из передвижного цирка детства: зверь сидел в клетке, равнодушно смотрел на детей, будто привык к человеческой суете.

Но следы укусов и засохшая кровь на прутьях говорили: он не покорён.

— Ну и что? — спросил Цзян Хэ. — Чего ты хочешь?

Это был первый раз, когда Люй Сичао слышал его голос. Ни вчера в поле, ни сегодня утром, когда директор водил его по школе, Цзян Хэ не произнёс ни слова.

Голос оказался низким, как далёкий гром в летнюю ночь в горах.

Обычные дети боятся грозы. Но Люй Сичао любил её.

Когда молния разрезала небо, он думал: «Моё будущее не в этой деревне. Не быть мне, как соседскому парню, отцом в восемнадцать».

Он хотел стать звездой. Попасть на телевизор.

— Я хочу уехать с тобой, — сказал он.

В отеле, пока Люй Сичао снимал грим, Цзян Хэ сидел рядом и смотрел.

От этого даже визажист нервничала.

В мире шоу-бизнеса лишь несколько компаний стоят на вершине. Самой авторитетной долгое время была «Чан Синь», воспитавшая Шэн Цанъюня — актёра, сметавшего все награды подряд.

Но после его ухода компания застопорилась. Новый протеже Сюань Юэ явно не гений.

«Чэнкун Медиа» поначалу никто всерьёз не воспринимал — казалось, это просто каприз богатого наследника, влюбившегося и решившего вложить деньги.

Не вышло — бросил.

Но Цзян Хэ не сдался. Он выбрал новый путь: подписывал киноактёров, переманивал зарубежных телеведущих, запустил шоу-таланты.

И создал новую эпоху.

Люй Сичао стал одним из главных лиц «Чэнкун».

Победитель первого сезона — и до сих пор никто из новичков не смог превзойти его рекорды.

Как именно победитель конкурса стал партнёром главного руководителя компании — до сих пор остаётся тайной.

Фанатские форумы перерыли всё, чаще всего муссировались слухи о «тайной связи» и «покровительстве».

Внешние наблюдатели любили шептаться: «Богатый покровитель и юный талант... но в итоге влюбились по-настоящему».

Однако визажисту, наблюдавшей за ними сейчас, казалось, что реальность совсем не такова.

Скорее, господин Хэ гоняется за Сичао.

Босс внешне сдержан, но вся команда обязана докладывать ему о состоянии Люй Сичао.

Визажист пришла в компанию только в прошлом году и сначала ожидала увидеть классический дуэт: «суровый босс и нежная жена».

Но всё оказалось наоборот.

Люй Сичао — никакой не «нежный». Скорее, дерзкий и вспыльчивый.

Она уже несколько раз видела, как он тыкал пальцем в грудь Цзян Хэ и ругал его.

Учитывая, откуда родом Люй Сичао, это становилось понятнее.

Просто... муж у него «под каблуком».

— Ты чего сидишь? — Люй Сичао шлёпнул Цзян Хэ по плечу. — Смотри, как Сяо Лу испугалась.

— Да? — Цзян Хэ поднял бровь.

Визажист поспешно замотала головой:

— Н-нет, всё в порядке!

— Не мог бы ты подождать меня в номере? — спросил Люй Сичао.

— Нам ещё нужно выйти, — ответил Цзян Хэ.

— Куда в такой холод?

— Разве ты не хотел говяжий хот-пот?

— Мне не хочется никуда. Слишком холодно.

— Тогда я закажу хот-пот и торт с доставкой в номер.

— Что?

— С днём рождения.

— У меня сегодня не день рождения.

Помолчав, Люй Сичао добавил:

— Прости... Я забыл, что мы празднуем по лунному календарю.

Визажист сделала вид, что ничего не слышала, закончила работу и тихо вышла.

У двери она столкнулась с ассистенткой и шепнула:

— Где вы видели, что господин Хэ холодный?

— Я такого не говорила! — засмеялась та.

— Только что, пока я снимала грим с Сичао-гэ, господин Хэ не отводил от него глаз. Я чуть не задохнулась от напряжения!

— Это нормально. Когда он рядом, всегда так смотрит.

— Теперь я понимаю, почему говорят: «старый дом вдруг загорелся».

— Но многие фанатки Сичао-гэ всё ещё ненавидят господина Хэ. Говорят, он слишком стар.

— Как это «стар»? Он же красавец! Конечно, капитан Away тоже красив, но у Цзян Хэ есть... мм... зрелая харизма. Разница в двенадцать лет — это нормально. Семьдесят — это уже старик, а тут что?

— Ты ничего не понимаешь. Фанатки относятся к нему как к «зятю, которого ненавидят цветы».

— Ну что поделать — они женаты. Только что я чуть не лопнула от зависти: Сичао-гэ еле сдерживался, чтобы не потянуться к господину Хэ.

Грим уже сошёл. Люй Сичао выглядел свежо и чисто.

Но его губы от природы были алыми — как тот красный цветочный мафаньтоу, который подарили Цзян Хэ в первый день в деревне.

Жаль, что юноша оказался вовсе не таким невинным, каким казался.

Желания Люй Сичао всегда были глубокими.

В пятнадцать — слава.

В шестнадцать — быть лучшим среди стажёров.

В семнадцать — выиграть конкурс.

Потом, войдя в группу Away, он изменил цель: захотел стать первым в сердце Цзян Хэ.

Ведь всё дорогое — часы, машины, дома — он мог купить сам.

Только Цзян Хэ оставался неподвластным цене. Его можно было заполучить, лишь рискуя

собой.

Люй Сичао посмотрел на него:

— Все ушли. Зачем ещё сидишь?

Потом усмехнулся:

— Ладно, сиди. Я сам к тебе сяду.

Цзян Хэ уже собирался сказать: «Можно идти?» — но Люй Сичао и правда прыгнул к нему на колени.

Он обхватил шею Цзян Хэ:

— Можно прямо сейчас загадать желание?

— Можно.

— Не хочу хот-пот, не хочу торт. Просто согрей меня всю ночь. Хорошо?

Его губы коснулись задней части шеи Цзян Хэ — не кусая, а лишь скользя, будто примеряясь.

Потом он прошептал, подражая сотрудникам компании:

— Господин Хэ...

А дальше шло то, что обычные сотрудники никогда не осмелились бы сказать:

— Мне... очень холодно.

<http://bllate.org/book/16057/1606204>